

И вся дѣятельность Толстого—не-художника была великимъ выполнениемъ своего принципа, великимъ уравнениемъ богатыхъ и бѣдныхъ міра сего, ученыхъ и «невѣждъ», господъ и рабовъ. Извлекая лучшее изъ того, что добыто человѣческой мыслью, онъ претворялъ его въ своемъ философскомъ творествѣ, приводилъ въ связь со всей своей системой, и давалъ въ результатъ эти мысли въ ясномъ и простомъ изложеніи, одинаково понятномъ и ученому и безграмотному.

Я не буду выводить дальнѣйшія детали міровоззрѣнія и поведенія Толстого изъ его основныхъ принциповъ. (При желаніи можно было бы и это показать.) Уже изъ сказаннаго видно, что философія Толстого представляетъ единое цѣлое, гдѣ каждая часть связана съ другой и логически вытекаетъ изъ предыдущей. И это наблюдается не только въ основныхъ принципахъ, но и во всѣхъ деталяхъ его философіи и жизни. *Принявъ за основное положеніе тезисъ: сущность и основа Бытія и жизни есть Богъ,—Толстой шагъ за шагомъ вполне послѣдовательно выводитъ свою систему: разъ сущность міра Богъ, то и мое «я»—Богъ, ибо «я» часть міра; разъ Богъ и «я» одно и то же, то я могу познать Его. Если я позналъ его, то смыслъ и цѣль моей жизни—стремиться къ Нему. Такъ какъ Онъ есть Благо и Любовь, то и мое стремленіе къ Нему является любовью; такъ какъ Онъ заключенъ въ друиыхъ «я» и во всемъ живомъ, то, стремясь къ Нему, я долженъ стремиться къ друимъ и ко всему живому. А изъ этого тезиса уже сами собой вытекаютъ всѣ тѣ принципы, главнѣйшіе изъ которыхъ мы перечислили выше.*

Изъ этого видно, что критика проф. Исаева врядъ ли можетъ быть признана удачной. Можно не соглашаться съ системой Толстого, можно ее отрицать, но отрицать ея стройность и логичность едва ли позволительно ¹⁾. Конечно, это можно сдѣлать, но подобная попытка по своему существу должна быть неудачной.

¹⁾ Несомнѣнно, у Толстого есть и неясности (главнымъ образомъ, во взаимоотношеніи Бога и вѣществ. міра), но анализъ ихъ мы оставляемъ въ сторонѣ въ виду важности для насъ здѣсь общей системы его философіи